
Смирнова Н.Н.

**«СВЯЗЬ ЗАБВЕНИЯ С ВОСПОМИНАНИЕМ».
ВИДЕНИЕ ПОЭЗИИ В ТРУДАХ М.О. ГЕРШЕНЗОНА***

Smirnova N.N.

**«The link oblivion with a memory». A vision of poetry
in the works M.O. Gershenzon**

В монографии представлено исследование поэтической концепции М.О. Гершензона, в частности, ее важнейшей смысловой доминанты – «связи забвения с воспоминанием». Автор подчеркивает, что наследие Гершензона, поднимавшего тему забвения в культуре, получило к настоящему времени не совсем взвешенную оценку.

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Первая глава посвящена анализу особенностей теоретического мышления М.О. Гершензона в контексте развития науки на рубеже XIX–XX вв.

С именем Гершензона связываются замечательные достижения в области литературоведения, истории культуры, открытия в области истории русской общественной мысли XIX в. При этом философское наследие Гершензона, подчеркивает автор, безусловно, недооценено. Отчасти это объяснялось позицией самого мыслителя, не принимавшего участия в гносеологических спорах, почти никогда не отстаивавшего своего философского *sredo* в открытой полемике. Кроме того, философские работы Гершензона «не имели и привычных для русско-

*Смирнова Н.Н. «Связь забвения с воспоминанием». Видение поэзии в трудах М.О. Гершензона. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 208 с. (Серия «Humanitas»).

го религиозно-философского сообщества атрибутов: четко разработанного категориального аппарата, строгих гносеологических принципов, постулатов, столь необходимых любой философской системе, наконец, критериев истинности построений. То есть в восприятии современников философия Гершензона была недостаточно теоретически разработана» (с. 30). Автор подчеркивает, что Гершензон избегает атрибутов дискурсивного мышления в своих философских сочинениях, так же как в сущности избегает и литературоведческих в работах о литературе. «Строгую теоретическую инструментарию он противопоставляет интуицию, предпочитая называть ее *личностным видением*» (с. 34). При этом в отличие от Бергсона Гершензон, углубляясь в исследование личностной природы интуиции, приходит к смещению полярностей в картине соотношения рассудочного и интуитивного познания. «Если для Бергсона ядро личности составляет рассудочная часть, интеллект, а вокруг него, в виде “смутной туманности” расположен древний инстинктивно-интуитивный комплекс, то, по мысли Гершензона, эта диспозиция прямо противоположна: “смутная туманность” и есть ядро» (там же). Как полагает Гершензон, именно периферийное расположение интеллекта, играющего роль оболочки, определяет вторичную, внешнюю и подчиненную роль дискурсивно-логического, рассудочного познания. «Это существенным образом отличается от интуитивизма, например, Н.О. Лосского и С.Л. Франка, глубоко веривших в рациональную природу бытия, постижимую *интеллектуальной интуицией*, своего рода усовершенствованным интеллектом, аккумулировавшим вокруг себя и задействовавшим в своем функционировании инстинктивно-интуитивный комплекс» (там же).

Главный философский труд Гершензона, оставшийся незавершенным, «Тройственный образ совершенства», посвящен исследованию мира как единого живого организма и человека как его части. «Единство и раздельность всего сущего – таков закон бытия мира как живого организма. Границы между одушевленной и неодушевленной природой существуют в рамках рациональности, но не в самом мире. <...>. Мир – живой организм, следовательно, он не стоит на месте, а развивается, растет, и образ совершенства постепенно воплощается в нем подобно тому, как из почки разворачивается лист» (с. 36). Однако человеческий разум, полагает Гершензон, не в состоянии постичь направление развития мира. «Мир и человек как его часть находятся еще

68

во младенческом возрасте» (с. 39). Мир развивается по образу совершенства, осуществляемого в его недрах отдельными личностями. (При этом автор подчеркивает специфику трактовки термина «личность» у Гершензона, ссылаясь на его высказывание: «все в мире существует как личность». В своей книге «Ключ веры» Гершензон приводит интересный образ: «Жизнь – сложное и опасное искусство, подобное работе над взрывчатыми веществами» (цит. по: с. 38). «Взрывчатые вещества» – это устремления личностей, разнонаправленные, противоположные друг другу волевые импульсы. «Но эволюция мира такова, что постепенно они упорядочиваются, согласуются в своих “действиях-взрывах”» (там же). Автор отмечает, что «личность» – это одно из центральных, атомарных понятий в комплексе взглядов Гершензона и подчеркивает, что уже в начале 1900-х годов Гершензон мыслит личность как точку корреспонденции человека и мира. «Выход в мир возможен только через схождение внутрь личности. Обращение внутрь личности, таким образом, есть непрменная форма сообщения между человеком и миром, обуславливающая закон творческой эволюции, постепенного преобразования, пути к совершенству. Обращение внутрь личности обнаруживает тождество “я” и мира» (с. 51). Погружение внутрь личности, отрешение от мнимости настоящего момента есть, как подчеркивает автор, свойство религиозного самосознания. И в этом, по ее мнению, Гершензон приближается к идеям Т. Карлейля. «Религиозное сознание *присуще* личности, неотъемлемая часть ее бытия. Оно не определяется конфессиональными рамками. В основе религиозного сознания личности лежит вера» (с. 52).

Задаваясь вопросом о подлинной жизни личности, Гершензон отмечает, что идеалу истории и идеалу подлинной жизни личности противостоят мнимости сиюминутных задач, «когда участие в делах современности, творчество актуальной истории, обнаруживает человека легко скользящим по поверхности явлений, но не обращающимся к сущности, равнодушным к истине в своей собственной жизни. Подлинное сознание личности, таким образом, не участвует в практике повседневности» (с. 53). Современный человек, согласно Гершензону, не следует в своей жизни тому подлинному знанию, которым располагает, не живет по истине. В чем же трудность вхождения истины в жизнь, причем истины, знакомой каждому образованному человеку? Гершензон находит ответ на этот вопрос и формулирует его в своей статье «Творческое самосознание»: «Наше сознание, как паровоз, ото-

рвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевую жизнь» (цит. по: с. 54). Автор резюмирует: автономность сознания, живущего в отрыве от личности, и потому дисгармоничного, сознания, вышедшего из пределов личности безвозвратно, – «вот реальность, которая проблематизирует духовное развитие» (там же). Речь идет о знании, которое «не я добыл в живом опыте», знании, не востребованном моей личностью, и потому в конце концов подлежащем забвению. «Это знание, сопровождающее всю жизнь образованного, культурного человека <...> порождает “обескровленные идеи” и “закоренелую предвзятость сознания”. <...> Именно поэтому личности следует держаться в стороне от “обескровленных идей” – общих мест – этого проклятия культуры, прибегая к целительному забвению» (с. 54–55). Как отмечает автор, забвение в этом случае – вовсе не усталость от культуры, а поиск иных духовных путей. «В этом контексте Гершензон рассматривает традицию великой русской и мировой литературы, которая всегда развивалась в стороне от магистрального пути *общего и сверхлично-доказанного знания*» (с. 55).

В главе 2 представлено видение пушкинского образа забвения в концепции М.О. Гершензона. Автор исследует статью Гершензона «Явь и сон», опубликованную в 1923 г., где тема забвения присутствует со всей очевидностью в качестве ключевой, хотя и в необычном, на первый взгляд, значении. «В этой пушкиноведческой работе Гершензон выражает суть своих многолетних размышлений, видения поэзии, в котором забвению предначертана роль вдохновляющей и очистительной силы» (с. 77). Гершензон подчеркивает, что речь идет не о забвении-уничтожении, утрате, поскольку Пушкин наполняет это слово своеобразным содержанием и употребляет его как специальный термин. Гершензон писал: «Именно словом “забвение” он обозначал то состояние личности, когда душа как бы вдруг обрывает все бесчисленные действенные нити, непрерывно ткущиеся между нею и внешним миром, и замыкается в самой себе. Тогда, по свидетельству Пушкина, *душа инертна и глуха вовне, но тем более полна внутри себя привольной и радужной игры; точно чудом каким замрет – и мгновенно оживет внутренно для свободного творчества, для буйного цветения*» (цит. по: там же. Курсив автора. – И. Р.). Забвение, т.е. то состояние духа, когда «наглухо замкнувшись от мира, он живет сам в себе и собою», Гершензон называл счастливейшим состоянием. Автор

подчеркивает, что это обстоятельство важно для понимания творчества самого Гершензона. Она задается вопросом: что же представляет собой это состояние духа, когда он живет своим собственным содержанием? Ответ она находит в следующих словах Гершензона: это «прежде всего *воспоминания*, т.е. те внешние восприятия, те чувства и мысли, причиненные извне, которые к моменту отрешения уже ассимилировались духом и сделались его личным достоянием» (цит. по: с. 78. Курсив автора. – *И. Р.*). Автор отмечает, что это состояние погружения в себя оценивается Гершензоном как начало, зарождение творческого самосознания, необходимого основного элемента духовной и душевной жизни, без которого всякая деятельность, не мотивированная личностным видением, оказывается лишенной почвы, бессмысленной и бесполезной. «Итак, забвение – это духовная потребность, основанная, однако, на *воспоминании* – интериоризированном и “ассимилированном” духом внешнем опыте, ставшем личным достоянием» (с. 79). Как подчеркивает автор, согласно наблюдениям Гершензона, Пушкин считает воспоминание функцией воображения, поскольку состояние забвения (т.е. «усыпление чувств и дум») располагает к воображению, которое и оживляет «картины памяти». Идея о родстве воспоминания с воображением развивалась Гершензоном в книге «Тройственный образ совершенства»: «Мое воспоминание о прошлом и мое представление о будущем равно суть *образы*, созданные по моему образу и подобию, и контуры их, видимые мною, равно объемлют неисчерпаемые глубины, полные темной кишасцей жизни. Поэтому я могу сегодня помнить или предвидеть нечто скудно, а завтра – богато. Ибо не человек, а состояние его духа есть мера вещей. И заблуждение думать, что воображение и предвидение свободнее, нежели память» (цит. по: с. 79–80. Курсив автора. – *И. Р.*). Живая, истинная память, пишет автор, сродни предвидению. Именно память в творческом воображении открывает горизонты будущего. Иначе говоря, родство между воспоминанием и воображением определяет смысл творчества. «Воспоминание – не просто память о бывшем, на нем лежит отпечаток свободы, присущий творческому акту. <...> Прошлое и память о нем, воспоминания существуют по законам воображения и творческой свободы, которые в личностном плане выражаются через *самозабвение* (т.е. забвение реальных условий, законов разума, ограничивающих существование). Только *самозабвенное* творческое вдохновение делает памятное реальным» (с. 80–81).

В главе 3 «*Мир иной* в творческом мышлении М.О. Гершензона» рассматривается проблема корреляции между событиями реальными и теми, что описаны в литературе. Но, подчеркивает автор, «безотносительно к этим полюсам мыслима иная реальность, абсолютная. Она обладает своим, независимым от мира литературы, пространством воображаемого. Это – представление об ином, лучшем мире, прошедшее сквозь тысячелетия» (с. 98). Именно творчество рассматривается Гершензоном в качестве попытки человека воплотить в материи идеальный по сути образ совершенства – представление об ином, лучшем мире. Однако, отмечает автор, в этой концепции изначально полагается трагическое противоречие: невозможность материального воплощения идеального образа. «Она проявляется в том, что, воплотившись в материи, став осязаемым, идеальное теряет свои главные качества, на передачу которых была направлена энергия творца. Воплощенное, вследствие этого, приобретает черты материального мира, становится его частью, теряя свою изначальную духовную ценность» (там же). С другой стороны, подчеркивает автор, девальвация духовных ценностей становится неизбежной при их тиражировании. «Творец, благодаря своему пророческому дару, видит нечто сокрытое от глаз большинства. Воплощая свое видение, он делает его не только зримым и осязаемым материальным объектом, <...> но и объектом тиражируемым. Произведение искусства входит в историю мировой культуры, становясь общим достоянием, так что воспринимающий оказывается в роли потребителя. Слово посетитель гигантской галереи, он проходит мимо шедевров мировой культуры, рассматривая их в общем ряду, и его обращение к ним носит обзорно-познавательный характер, не обусловленный личной потребностью. Такова трагедия произведения, исходящего от творца в мир. Одновременно это и трагедия творца, осознающего неполноту воплощения предстоящего ему образа. Но отказ от творчества не в его силах: “подлинное хотение”, как называет это Гершензон, и проявляется именно как творческая способность, предощущение *мира иного* за горизонтом посюстороннего, как непреодолимое стремление к идеальному образу» (с. 98–99).

Как замечает автор, образ мира иного, по мысли Гершензона, всегда остается неизменным в своих главных чертах. Согласно Гершензону, он не является духовной ценностью, поскольку не может быть осуществлен в своей целостности, как произведение искусства, не может служить тем или иным изменчивым идеалам; его целостность

можно только ощущать посредством интуиции. «Этот образ частично, опосредованно, или даже негативно, выражается в произведении искусства, но без соответствующей интуиции не может быть прочитан» (с. 104). Видению поэта должно соответствовать видение читателя. Вне этого соответствия образ делается немым знаком. Но что позволяет человеку, добыв эту интуицию, проникнуть за пределы наличной действительности и прикоснуться к подлинности мира иного? Отображение реальности мира иного Гершензон видел именно в поэтическом языке. «Поэтический язык и есть то самое вещество, роднящее нас со сном (или мечтой). Этот язык опирается на *реальные образы*, но существо того, о чем он говорит, – не от мира сего. Оно остается неизменным независимо от эпохи и естественного языка, на котором выражается» (с. 105).

Глава 4 «В полемическом поле “Переписки из двух углов”» представляет исследование полемики о памяти и забвении в литературе, которая велась между М.О. Гершензоном и Вяч.И. Ивановым. Позицию Гершензона автор резюмирует следующим тезисом: культура накопила слишком много, ее одряхлевшие ценности сковывают свободу духа. И проблема не просто в количестве, но в том, что «множество это не является истинной ценностью; оно лишь собрание разрозненных фрагментов, которые в сумме никогда не представят полной и подлинной картины (да и способно ли человечество узреть ее?). Забвение, по мысли Гершензона, может очистить память человечества приведением к изначальной точке пути» (с. 122).

Иную позицию выражает Вяч. Иванов: истина (полная и подлинная картина) давно обретаена, следовательно, забвение пагубно для души, которая «в каждое мгновение своего земного пути должна стремиться ввысь, туда, где она силой данной ей веры ожидает “замкнутие кольца вечности”» (там же). Иванов писал Гершензону: «Вам кажется, что забвение освобождает и живит, культурная же память поработывает и мертвит; я утверждаю, что освобождает память, поработывает и умерщвляет забвение» (цит. по: там же). Для Гершензона же очевидно, что культурная память человечества не является условием и закономерностью его спасения. «Из тупика культуры может выйти только личность, ощущающая в себе эту потребность. И принципиально важно, что инициатива в этом принадлежит данной конкретной личности и только ей» (там же). Забвению при этом предается не столько само культурное наследие, сколько созданная веками «иерар-

хия благоговений». Забвение здесь – это путь обретения изначальной сущности в непосредственном соприкосновении с творческой реальностью. «Личность воспринимает не предустановленные законами иерархии культурных ценностей смыслы, отделившиеся от изначального существования, и впоследствии обезличенные, объективированные в истории, но только то, что созвучно ее духовному строю» (с. 125). Как уже отмечалось выше, *забвение* в культуре, о котором Гершензон спорил с Вяч. Ивановым, имеет своим источником *самозабвение* – «блаженное забвение себя отдельного» (цит. по: с. 195). Автор подчеркивает, что интуиция и воображение не случайно подсказали Гершензону образ Санчо Пансы с его *блаженным самозабвением*. Но ключевым в концепции *видения поэта* стал для Гершензона именно пушкинский образ *забвения*.

Глава 5 «*Биография слова* в лингвопоэтических штудиях М.О. Гершензона 1910–1920-х годов» представляет исследование темы имени и слова в работах Гершензона. В частности, автор останавливается на работе «Дух и душа. Биография двух слов», отмечая, что это исследование далеко выходит за рамки собственно этимологии, а также сравнительно-исторического языкознания. Слово одушевлено, о нем и говорится как о человеческой личности. Как подчеркивает Гершензон, само слово «дух» и его биография свидетельствуют о его особом положении в истории языка. «Само слово “дух” содержит в себе ядро личности, и так же, как ядро человеческого духа – *“комочек живой протоплазмы”* – вовеки неизменно и непознаваемо» (с. 151–152). Согласно Гершензону, в биографии слова «дух» воплощается идеал свободы как «абсолютного движения, отрешенного от всяких форм» (цит. по: с. 152).

Биографии слова «дух» как абстракции противопоставляется биография слова «душа» как воплощение индивидуации. «Именно в слове “душа” воплощено обозначение единственно возможной в языке степени индивидуации» (с. 153). Как отмечает Гершензон, единичное может быть названо только этим словом; «замкнутость и конкретность личности», ее отъединенность от остального мира, «почти полное отсутствие сообщения с целым мирозданием» – все это охватывает биография слова «душа». Именно поэтому, отмечает Гершензон, биография слова «душа» не настолько величественна, как биография слова «дух».

Завершая монографию, автор вновь обращается к работе Гершензона «Тройственный образ совершенства» и подчеркивает, что свое стремление к этому образу человек ощущает как желание счастья. «Память и воображение есть также свидетельства движения мира к совершенству; они служат своего рода предначертаниями пути и ориентирами на нем» (с. 190). Автор исследует также работу Гершензона «Человек, пожелавший счастья», посвященную образу шекспировского Макбета, и подчеркивает, что Гершензон приходит к выводу о несовместимости произвола с «подлинным хотением» и видением лучшего мира. По мнению Гершензона, этому видению более всего соответствует образ Дон Кихота. «Поиск возможности свободы без произвола раскрывает два взаимосвязанных модуса бытия: “забвение себя отдельного” и “мое подлинное «я»”. В *подлинном* “я” с максимальной полнотой отражает целостный образ совершенства» (с. 192–193).

И.И. Ремезова